

ЭТОГО праздника ждали. Давно — вот уже добрых три десятилетия — работы художника Евсея Моисеенко стали украшением любой выставки, будь то зональная, республиканская, всесоюзная или международная. И все же то были, так сказать, отдельные деревья, а не целый лес, отдельные озера и реки, отдельные поля и холмы, а какова она, вся-то земля, в ее плодоносящей силе и многоцветии?

И вот персональная выставка. 700 с лишним работ, созданных в основном за последние двадцать лет. Живопись и графика; тематические картины и портреты, пейзажи и натюрморты; героика и трагедия, лирика и эпос; земля и небо, революция и минувшая война, труд, детство... Огромный, неповторимо самобытный мир, сотворенный волею и талантом одного человека, мир самых разных измерений и самой разной географии, мир, kloкочущий всеми страстями современности и наполненный напряженными раздумьями о прошлом, о будущем.

Поражаешь мастерству художника. Композиция у него всегда дерзка и неожиданна, всегда вызов привычным канонам и схемам, условность, этот важный формообразующий элемент современной картины, — его вторая натура, и уж совершеннейшая, мало кому доступная виртуозность — рисунок, обладающий какой-то особой, взрывчатой силой.

Но я меньше всего намерен вдаваться в тайны профессионального мастера и технологии — зачем отнимать хлеб у искусствоведов? Мне хочется поразмыслить немного о наиболее существенных чертах Моисеенко-художника.

И тут в первую очередь я указал бы на масштабность его художнического мышления, на его гражданский темперамент.

Возьмем, к примеру, знаменитую картину «Земля». Скольکو у нас было написано на эту тему всевозможных полотен! Сотни, тысячи. Больших и малых, с техникой и без техники, с хлебами и без хлебов, в солнечную погоду и ненастье.

Но вот появляется картина Моисеенко, и кажется, ничего и не было до нее. Кажется, и самую-то землю мы увидели впервые. А до того были некие раскрашенные агрономические пособия — как пахать землю, как убирать урожай и т. д. и т. п. Тут же — земля-кормилица. Неистощимая, беспредельно могучая в своей черной плодоносящей силе. Да, земля-кормилица истинно русская — без конца, без края. И больше того. Взятая в каком-то невероятном слове, она в то же время как бы и земной шар.

Понятно, что и фигуры трех пахарей на таком поле читаются по-особому. С одной стороны, они вполне конкретные, реальные работяги (да простят мне этот прочно вошедший в наш быт вулгаризм), насквозь пропотевшие, промазанные (колом стоит гимнастерка у курящего верзилы слева), «по завязку» хлебнувшие «радости» земледельческого труда, отмеченные не только признаками трудового человека нашего времени, но и какими-то еле уловимыми черточками, характерными для русского национального типа, а с другой стороны, «подпираем» этим бескрайним, исполинским полем, они — великаны, богатыри.

Картина о земле, о ее людях стала эпосом. Эпосом по содержанию и по форме, пре-

дельно лаконичной и суровой, лишенной натуралистических подробностей.

По тем же законам — предельная конкретность и широчайшая обобщенность на грани символа — построена и прославленная картина «Победа».

Опять же как тут не вспомнить косяки картин, живописующих это незабываемое событие! Праздничные фейерверки, шелк и бархат знамен, медь литавр, ликующие толпы людей на площадях...

У Моисеенко никакой ходульной, привычной романтики. Самый будничней, самый совидный эпизод из войны — два солдата в момент боя на лестничной площадке, причем

незабываемого зрелища — красный отряд проходил через их село, и надо ли говорить, какую бурю восторга вызвало это зрелище в душе впечатлительного мальчика!

Пожалуй, ни один другой цикл (а цикличность характерна для Моисеенко-художника) не отмечен такими настойчивыми поисками, как цикл работ о гражданской войне. Тут и непрестанные, из картины в картину, все новые и новые цветовые решения, тут и демонстрация самых невероятных возможностей рисунка, тут и дерзкое, безоглядное новаторство в композиции, когда в одну упряжку запряжены и рельефно-скульптурный объем, и бесплотная, почти призрачная

«ПРИЗЫВ» (1963 г.)

МОЩЬ И ДЕРЗОСТЬ

Федор АБРАМОВ

О выставке произведений Евсея МОИСЕЕНКО

один из них, тяжело повисший на руках товарища, уже мертвый, сраженный, быть может, вражеской пулей в самую последнюю минуту... И цвет картины белесо-зеленоватый — цвет, вызывающий в памяти солдатскую гимнастерку, побелевшую от пота и соли.

— Да победа ли это? — помню, озадаченно перешептывался кое-кто из зрителей, всматриваясь в эту картину, на первой выставке.

Победа, Победа, которая ни на минуту не дает забыть о миллионах и миллионах убитых, о той страшной цене, которой оплачено наше торжество. Победа, где скульптурная, словно высеченная из камня фигура живого солдата поднята до значения монумента.

ВИДНОЕ место, если не сказать центральное, на выставке занимают картины, посвященные гражданской войне. «Красные пришли», «Товарищи», «Черешня», «Комиссар», «Вестники», «Нас водила молодость» — не меньше десятка крупных полотен.

Интерес к этой теме у художника давний, устойчивый, идущий из глубин далекого детства. Раз, еще ребенком, случилось ему быть свидетелем

плоскость, и жесткая, плакатная графика, и самая изысканная декоративность, так что порой может показаться: да не чисто ли формальными задачами занят художник? Не забывает ли он о «содержательной» стороне полотна?

Не забывает. Евсей Моисеенко — формалист из формалистов. Конечно, в лучшем смысле этого слова. Но высшая цель его — содержание. И это особенно наглядно в цикле картин о гражданской войне.

Начав с восторженно-романтического, я бы сказал, традиционного восприятия гражданской войны, очень характерного для советской живописи, художник в дальнейшем берет разные грани и аспекты темы, в том числе бытовой, и наконец, умудренный личным опытом и опытом исторического шестидесятилетия, подходит к созданию полотен, которые потрясают глубиной мысли, своим трагедийным накалом («Нас водила молодость»).

Вершиной цикла о граждан-

ской войне, бесспорно, является картина «Речь». Это шедевр. Шедевр самого высокого класса, где — редкий случай в искусстве — идейный смысл находит полнейшее, адекватное выражение в форме.

Кольцевая, спиральная композиция, как бы вихрь, завинчивающийся, закручивающийся красноармейскую разрозненную массу в туго спрессованную, неодолимую силу, — случайна здесь она?

Да нет же, нет!

Слово, речь — самое действенное, самое грозное оружие революции (да и только ли революции?), и в картине с предметной, осязаемой наглядностью явлено это. Явлено слово как бы в своей безграничной материальной силе.

Я КОСНУЛСЯ всего лишь нескольких картин, а их на выставке, как я уже говорил, сотни: пейзажи, и пейзажи своеобразные, моисеенковские, не всегда, быть может, броские, но по-русски сосредоточенные в се-

бе, обладающие какой-то скрытой, притягательной силой; многочисленная серия картин, которую можно было бы назвать «Из страны детства»; цветастая, радужная россыпь полотен и этюдов, запечатлевших иные земли, иные языки: Среднюю Азию, священные камни Греции — этой праматери всей европейской цивилизации, знойную Испанию и т. д. и т. п.

И все эти работы, как и многие другие в творчестве этого на редкость щедрого, разностороннего художника, скажем, его замечательные натюрморты или автопортреты, как бы единственные в своем роде, лишены малейшего самолюбования, несущие даже снижение, с немалой дозой самоиронии, — все эти работы, я не сомневаюсь, станут предметом особого разговора, особого суждения. Мне же здесь хотелось бы сказать еще только об одной картине — «Сергей Есенин с дедом», картине сложной и на первый взгляд спорной, во всяком случае поначалу не принятой мною.

Хмурый, взерошенный, погруженный в себя деревенский паренек — да что общего у него с песенным, картинно-слащавым Лелем, каким мы знаем отрока Есенина по фотографиям?

Но вот тут-то и вся мудрость художника, вся его прозорливость — он использует закон внешней непохожести для раскрытия внутренней, творческой энергии будущего поэта. А как быть с так называемой похожестью, с правдоподобием? Они даны опосредствованно, через

фигуру рядом стоящего библейского деда и предельно достоверно выписанный вещный мир, который окружал в детстве Есенина.

ЕВСЕЙ МОИСЕЕНКО — художник большой культуры. Само собой, что он глубоко освоил все богатства русской живописи, включая древнерусскую икону, композиционные приемы которой он особенно охотно использует в своем творчестве.

Главное, что включает Евсей Моисеенко в ряд первоклассных мастеров русской, отечественной живописи, — это насыщенность его полотен большим социальным и общечеловеческим содержанием в сочетании с высочайшим искусством формы.

И тут надо сказать еще об одной черте Моисеенко-художника, черте, которую Достоевский называл способностью русской души к глубокому пониманию национальных характеров других народов и восприятию их искусства.

Зарубежный цикл Моисеенко красноречиво подтверждает это. Но только ли зарубежный?

Творческое взаимодействие со всемирно известными мастерами прошлого и настоящего щедро дает себя знать и в его полотнах, так сказать, чисто русских. И это важнейший показатель силы и масштабности таланта Евсея Моисеенко.

ДАВНО известно: художник — это биография. И, надо сказать, судьба не обделила Евсея Моисеенко биографией.

Раннее детство в деревне, широко открывшее врата в

мир природы, заложившее, так сказать, самый надежный и ни с чем не сравнимый фундамент поэтического восприятия жизни, романтическая молодость, литературный евангелием которой была «Как закалялась сталь» Н. Островского, война... И опять-таки война в самом страшном варианте — с фашистским пленом...

Да, Моисеенко круглого замеса человек, он выварен в самых крутых целах эпохи. И не отсюда ли эта богатырская мощь его как художника, этот эпический размах его творчества?

Но сила Моисеенко — это и сознание своего долга перед погибшими товарищами. Сотни тысяч, миллионы его сверстников погибли на войне, и разве может он забыть об этом? Забыть о том, что он в вечном долгу у своего поколения?

Есть у Моисеенко картина «В мастерской». Рабочий день кончился, помещение залито серыми ленинградскими сумерками, кругом холсты, записанные, незаписанные, и среди них сам художник — усталый, совершенно измочаленный и опустошенный старик.

Не думаю, чтобы Моисеенко, вообще-то склонный, как я уже говорил, к снижению своего образа, тут слишком погрешил против истины. Нет, это естественное состояние художника после неистовой работы за мольбертом, после самосжигания себя в течение яростного дня, после «перекачки» на холст всей лавы обуревавших его чувств и мыслей.

Да, Евсей Моисеенко выкладывается сполна. Зато и полотно его, всегда до предела насыщенные цветом, современными ритмами, внутренней энергией, захватывают зрителя, как бы облучают его. Но это облечение энергией жизнелюбивой, животворной, рождающей в нас желание работать, жить.

— ГОВОРИТ МОСКВА... Фото А. КАРЗАНОВА